

Михаилу Ромму – 100 лет

ТРИ ИСТОРИИ ОБ УЧИТЕЛЕ И РЕЖИССЕРЕ

Независимая газета, - 2001, - 24 янв. - к. 7

Вадим Абдрашитов

МИХАИЛ РОММ — один из тех, кто создал отечественное кино. И сохранял его, обходя рифы и мели официальной идеологии и цензуры. Для меня Ромм кроме всего — биологическая загадка. Снять все, что создано до 1956 года, молчать шесть лет и вдруг сделать «Девять дней одного года» и еще через три года — «Обыкновенный фашизм». Какого же напряжения должна была быть внутренняя работа художника и мыслителя, чтобы так понять, ощутить и выразить время. От прежнего Ромма остался талант, зоркость, ум. А энергетика и глубина этих картин обнаружила нового, сильного, молодого режиссера.

«Девять дней одного года» — первый фильм в нашем кинематографе об интеллектуалах, фильм-размышление, как называл ее сам Михаил Ромм.

В «Обыкновенном фашизме» впервые вслух были уравниены в своей античеловеческой сути советский и гитлеровский тоталитаризмы. Меж тем это был 1966 год. Оттепель уже закончилась. И разумеется, «Обыкновенный фашизм» пошел дальше романтики оттепели. И надолго вперед сказал все о тоталитарном государстве.

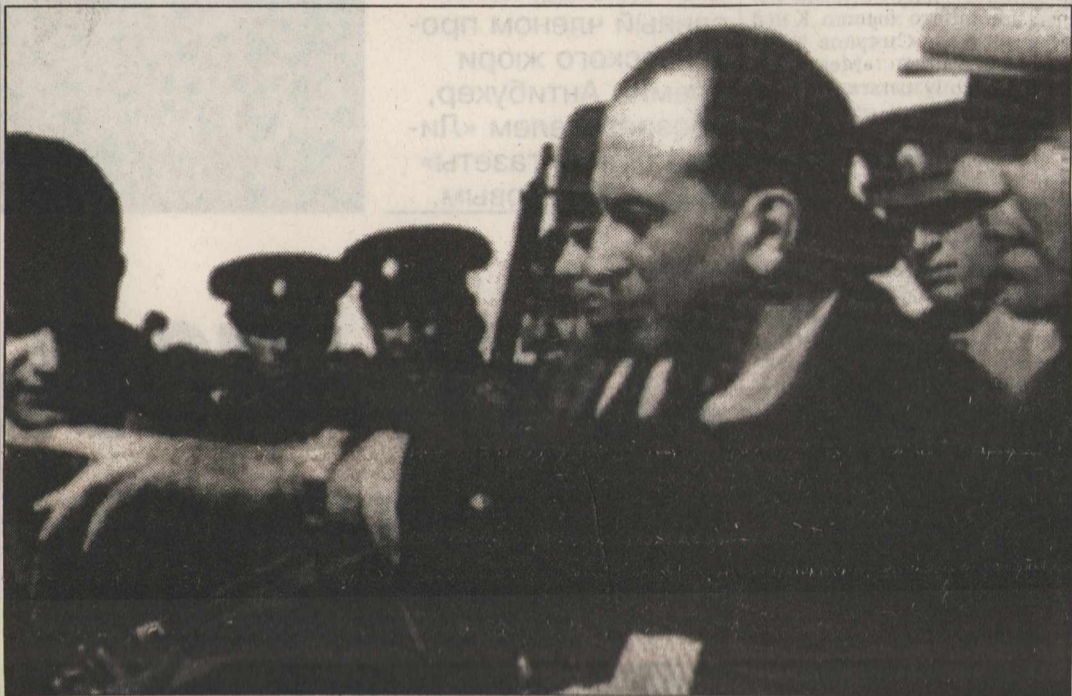
Нам, студентам своей последней мастерской, в 1971 году Ромм

работал над новым документальным фильмом, собрал очень много хроники — про маоистский Китай, про жизнь молодежи на Западе. Михаил Ромм не хотел делать второй «Обыкновенный фашизм» и думал над новой формой. У него был диктофон, и, живя на даче в Красной Пахре, он делал наброски текста к будущему фильму. В них Ромм начинал с того, что он ровесник века. И далее размышлял о XX столетии — о самом трагическом столетии. У Василия Аксенова в одном из романов говорится, что вся история человечества — цепь маленьких апокалипсисов на пути к большому апокалипсису. И последняя незавершенная работа Ромма была во многом пронизана апокалиптическим ощущением. Но в сохранившихся текстовых набросках Ромма есть и фраза, начинающаяся словами «И все-таки я верю...» Из собранного Роммом материала мы с Марленом Хуциевым смонтировали фильм «И все-таки я верю». (В четверг, 25 января, фильм будет показан на канале «Культура». — Е.С.) Его можно назвать построммовским фильмом. В нем нашел свое отражение и спокойный и рассудительный характер Хуциева, и мой более взрывной темперамент. Мы старались его доделать с любовью и надеждой, что апокалипсисы были и будут, однако человеческая природа это побеждает.

Помню, работая над своей

жизнь с абсолютной человеческой порядочностью». И мы старались этому следовать.

Общеизвестно, что Михаил Ромм был превосходным режиссером, выдающимся общественным деятелем и одним из создателей Союза кинематографистов. Но по прошествии лет все явственнее понимаешь, что Ромм был еще и величайшим педагогом. Трудно как-то логически связно определить его метод. Но он обладал уникальной интуицией, своего рода профессиональным рентгеном — потрясаясь видел потенциал людей, которые приходили к нему учиться. Причем Михаил Ромм никогда не занимался «клонированием» себя. Список его учеников невероятен, он включает не просто разные, но чуть ли не взаимоисключающие имена. Это и Георгий Чухрай, и Резо Чхеидзе. У Ромма на одном курсе учились такие несхожие люди, как Шукшин и Тарковский. Его студентами были Кончаловский и Андрей Смирнов. Я учился вместе с Динарой Асановой, Виктором Титовым. В его мастерскую пришли Меньшов, Абдрашитов и многие другие. Весь наш кинематограф 60–70-х годов, лучшие режиссеры прошли через учебу у Михаила Ромма. От Ромма остались разрозненные статьи, есть среди них торпливые, некоторые — вдумчивые, серьезные. Но на самом деле остался феноменальный перечень кинорежиссеров советской

Михаил Ромм на съемках.

показывал на «Мосфильме» материалы к фильму, над которым работал, — «Мир сегодня». Конечно, это было потрясюще: часы уникальной хроники и живой комментарий Ромма. Фильм должен был рассказать о страшных болезнях XX века — массовых психозах и вновь о тоталитаризме, в том числе о том, который живет внутри каждого человека. Этого фильма очень не хватает сегодня. И так не хватает самого Михаила Ромма.

Элем Климов

МИХАИЛ РОММ был на редкость обаятельным, мягким человеком, но одновременно с жесткими, неколебимыми внутренними позициями. Особенно это чувствовалось в его публичных выступлениях, в его отношении ко всяким генералам от литературы и искусства. Находясь рядом с Роммом, нельзя было сфальшивить, соврать. При всей своей сложной человеческой судьбе Михаил Ромм умел с каждым фильмом возрождать и находить заново свое уникальное качество. Бывают люди, которые рады науке, и не меняются. А Ромм был способен пересматривать себя, и это великое свойство.

Когда вышли «Девять дней одного года», я еще учился во ВГИКе. Фильм стал откровением для студентов. Он воздействовал сочетанием юмора, иронии и трагизма — ведь речь шла об ученых, гибнущих ради науки. Когда Ромм снимал «Обыкновенный фашизм», я работал на «Мосфильме», и мог видеть, как он ищет необходимые интонации. Поначалу предполагалось, что озвучивать картину будет какой-нибудь актер. Но коллеги посоветовали Ромму включить в фильм свой собственный голос, и это, конечно, сообщило всей картине совершенно особую краску. Во время перестройки, когда я возглавлял Союз кинематографистов, ко мне обращался редактор «Обыкновенного фашизма», чтобы я поспособствовал показу этого шедевра Ромма по ТВ. Даже тогда это было сложно устроить, что свидетельствует о мощи воздействия картины. Ведь Михаил Ромм снял не просто отстраненное кино о фашизме, он снял фильм и о нас, о нашей истории. Это было страшно, и это объясняет столь сложную судьбу картины.

Уже в конце жизни Михаил

картиной «Спорт, Спорт, Спорт», я поехал в Париж искать недостающую хронику. И там пошел смотреть рок-оперу «Волосы». И меня настолько сразили игра и музыка, что в финале, когда зрителей стали приглашать танцевать вместе с актерами, я вышел на сцену и провел там минут тридцать, танцуя. Приезжаю в Москву, прихожу к Ромму и под воздействием новых впечатлений говорю: «Я сейчас все у себя в фильме перемонтирую». Ромм посмотрел на меня очень по-доброму и сказал: «Давай. А я до конца жизни буду заниматься своими проповедями». Вот, с одной стороны, «бура и натиск», а с другой — великие «проповеди» Михаила Ромма в «И все-таки я верю...» объединяются.

Сергей Соловьев

В РАЗГОВОРЕ о Ромме мне трудно быть объективным, так как Ромм не просто перевернул мою судьбу — он ее сделал. В 1962 году, когда мне было 16 лет, я приехал даже не поступать во ВГИК, а посмотреть, как проваливаются на экзаменах во ВГИК. В то время Хрущев к тому же издал постановление о том, что при приеме в вузы должны получать преимущество люди, уже отслужившие в армии и обладающие большим жизненным опытом. Поэтому по коридорам ВГИКа ходили уже немалые люди, иногда, я бы сказал, с уголовным отливом. А я болтался среди них, как птенец. И поступил во ВГИК, быть может, даже в чем-то благодаря этому постановлению. Поскольку у Михаила Ромма была черта характера — полемичность, доходящая до безумной непримиримости к общественно-социальному маразму. Ромм поставил мне на экзаменах три отличные оценки по мастерству — и меня взяли на курс в порядке исключения.

Михаил Ромм был человеком неимоверного обаяния. Помнится, Ромм читал нам первую лекцию о Мейерхольде, о Пиковой даме, об Эйзенштейне, он рассказывал вещи интересные, но ничего невероятного в его речи не было. Но когда нас пустили покурить, я почувствовал, как страшно у меня болит шея. Потому что всю лекцию я водил головой за Роммом...

Ромм говорил нам: «Я не прошу, чтобы вы дружили всю жизнь. Но я от вас требую, чтобы вы относились друг к другу всю

эпохи «последнего призыва». Ромм-педагог произвел не теоретическую систему, а кинематографию.

С 1965 года Михаил Ромм переживал целенаправленную травлю, про него писали омерзительные пасквили, таскали его по заседаниям разных советских органов, где отчитывали как мальчишку и доводили его измученную психофизику до отчаяния — и он получал инфаркт за инфарктом. Но самым обидным было то, что его с холодным хамством выгнали из ВГИКа. В одной из газет появилась статья председателя профкома ВГИКа против Ромма. В ней говорилось, что невозможно требовать идеологической сознательности от студентов, когда сами педагоги проявляют идеологическое беспамятство. Ромм спустился в кабинет ректора и сказал, что надеется, что эта статья — случайность, выражение индивидуального мнения, на которое институт ответит. Ректор молчал. И Ромм сказал, что в противном случае он напишет заявление об уходе. Через неделю Михаил Ромм приехал к нам на занятия, мы час прозанимались. После чего из ректората пришла девушка и светло прошепетала Ромму, что ректор подписал заявление, ответив «положительно на вашу просьбу».

За эту подлость никто перед Роммом никогда так и не извинился.

Михаил Ромм со всеми общался весело. У нас с ним были рядом монтажные на «Мосфильме». И мы с ним часто сталкивались в коридорке, так как Ромм курил в туалет. И вот он меня однажды спрашивает: «Ну, что у тебя происходит?» Я сказал, что закончил снимать картину, «Какую?» — спрашивает Ромм, а сам сидит мрачный, в пальто, возле банки от киноплёнки, в которую складывают окурки. Я оторвал, что снял «Егор Булычев и другие» и спросил, не придет ли Ромм посмотреть. «Веселая?» Да нет, говорю, не веселая, трагическая.

«Нет, не пойду», — отвечает Ромм.

«Почему?»

«Так хочется чего-нибудь веселого».

Ромм повторял нам: «Режиссура — это не профессия. Это способ жизни». С тех пор вот уже сорок лет моя жизнь отвечает этому принципу.

Монологи записала
Екатерина САЛЬНИКОВА